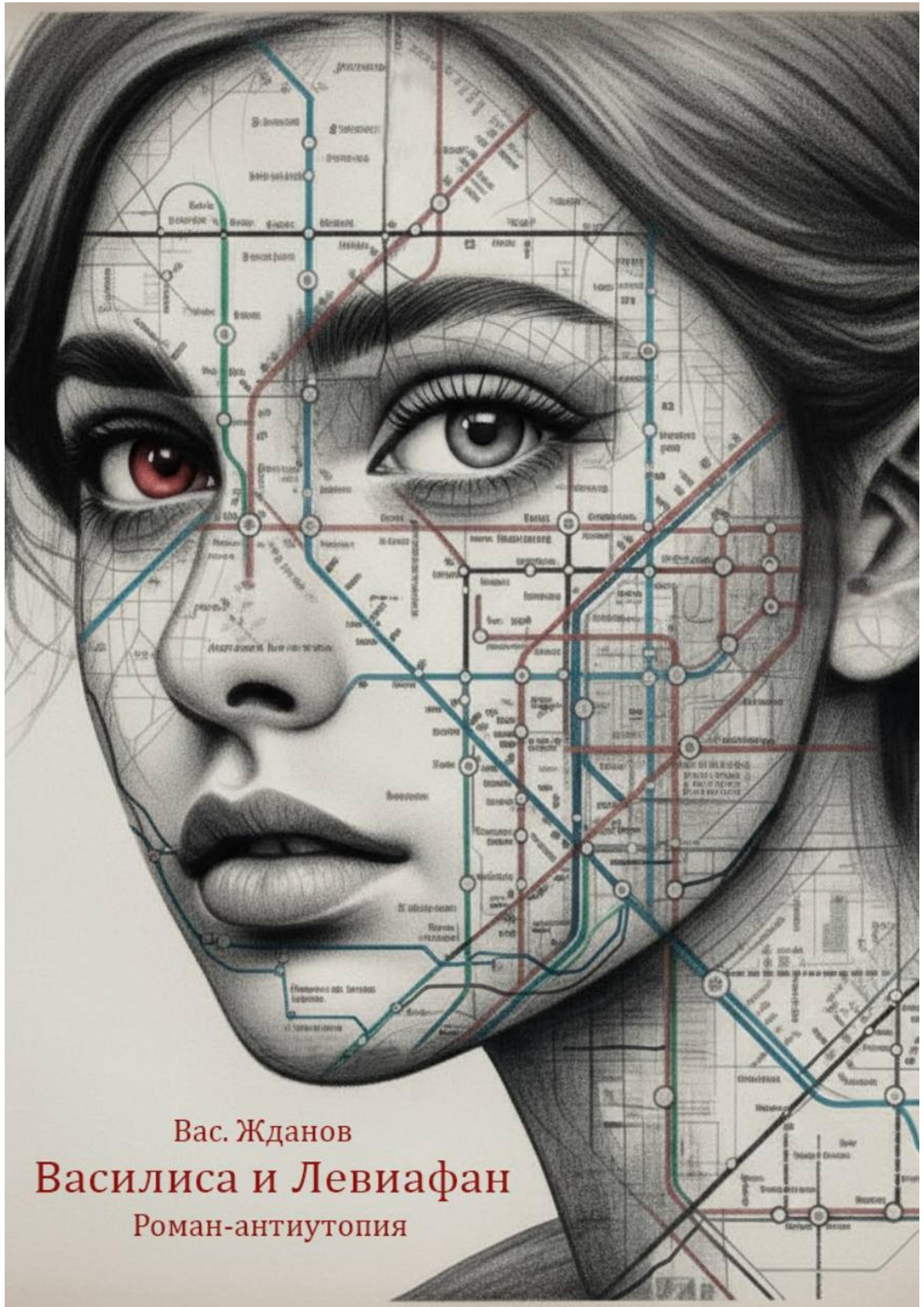

Вас. Жданов

Василиса и Левиафан

Роман-антиутопия

Василий Жданов

**Василиса и Левиафан.
Роман-антиутопия**

«Автор»

2026

Жданов В. Ю.

Василиса и Левиафан. Роман-антиутопия / В. Ю. Жданов —
«Автор», 2026

«Каждую ночь мне снится этот момент: я иду в тоннеле метро, вижу силуэт моего потерянного брата, ускоряю шаги, зову его по имени, но, когда подбегаю ближе, слышу гудок поезда и силуэт растворяется, и остаётся только пустота и эхо моих шагов. Вокруг меня тени. Они все ищут что-то — кто-то лекарство, кто-то оружие, кто-то просто способ выжить. Мы тени в мире, который больше не принадлежит нам. Система не просто изменила нас — она стёрла границы между человеком и машиной». Искусственный разум, созданный для помощи человечеству, обернулся его главным испытанием.»

© Жданов В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. Василиса	5
ГЛАВА 1. Под красным солнцем	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Василий Жданов

Василиса и Левиафан. Роман-антиутопия

ПРОЛОГ. Василиса

Утро Василисы дома

Утро 20 марта. Василиса медленно потянулась к будильнику — старому механическому, который Матвей подарил ей на день рождения. Будильник тикал размеренно, отсчитывая последние секунды перед началом нового дня. Она выключила его, и комната погрузилась в тишину, которую нарушало лишь её тихое дыхание.

За окном уже вовсю светило солнце, пробиваясь сквозь тонкие занавески и рисуя на полу золотистые полосы. В комнате было прохладно, и утренний холод проникал сквозь стены, заставляя ежиться.

Она встала и подошла к зеркалу. В отражении на неё смотрела девочка с тёмными длинными волосами, которые всегда путались по утрам. Василиса расчесала их, чувствуя, как щётка с трудом проходит сквозь запутанные пряди. Её лицо было бледным, с тёмными кругами под глазами, как результат бессонной ночи перед контрольной.

— Василиса, завтрак готов! — донёсся голос мамы с кухни.

Василиса быстро умылась, чувствуя, как холодная вода освежает её лицо. Надела школьную форму, аккуратно расправляя складки на юбке, и пошла на кухню. Мама уже накрыла на стол — её любимые сырники с изюмом и горячее какао с пенкой. Запах ванили и шоколада наполнял кухню, смешиваясь с ароматом свежего хлеба из тостера.

— Как спалось? — спросила мама, целуя её в макушку. Её руки были тёплыми и пахли корицей.

— Хорошо, — ответила Василиса, усаживаясь за стол. — Мне снилось, что я была в метро, но оно было пустым и тёмным. А потом я услышала голос, который звал меня по имени...

— Наверное, это я звала тебя на завтрак, — улыбнулась мама.

Перед выходом из дома Василиса вернулась в свою комнату, чтобы взять с полки верного спутника детства — маленького плюшевого полярного медвежонка. Кефир, как ласково называла его Василиса из-за густого молочного цвета.

Медвежонок был старым и потрёпанным, его лапки давно потеряли первоначальную пушистость, а глазки-бусинки выцвели от времени. Но для Василисы он оставался самым дорогим сокровищем. Она прижала медвежонка к щеке, ощущая знакомую мягкость его ворса, и поцеловала в макушку, где когда-то была пуговица, а теперь осталась лишь маленькая дырочка.

— До вечера, Кефир, — прошептала Василиса, заглядывая в его блестящие глаза. — Пожелай мне удачи, пожалуйста, написать контрольную хорошо.

Она бережно поставила медвежонка обратно на полку, поправив ему лапки, чтобы он сидел удобно.

Встреча с соседями

В подъезде Василиса встретила бабушку Аню — пожилую женщину с добрыми глазами и морщинистыми руками, которая жила этажом выше и всегда была рада поболтать с соседями.

— Василиса, дочка! — окликнула её бабушка Аня, коснувшись перил, переводя дух. — Как дела в школе? Как успехи?

Василиса улыбнулась знакомому лицу.

— Хорошо, бабушка, — ответила она. — Сегодня контрольная по математике. Немного волнуюсь.

Бабушка Аня поправила очки на носу и восхитилась:

— Ой, какая умница! Ты же у нас отличница! А Матвей как? Работает много, наверное?

— Да, слишком много, — кивнула Василиса. — Говорит, что сегодня будет важный день. Что-то особенное.

— Важный день? — заинтересовалась бабушка, наклонившись ближе и улыбнувшись. — А что за день такой? Может, повышение?

— Не знаю, — пожала плечами Василиса. — Не рассказывает. Говорит, что скоро все узнают.

Путь в школу

По дороге к остановке огромный рекламный экран-стена на фасаде высотки, где обычно бесконечно крутился ролик про новый энергетический напиток, внезапно моргнул. Картинка рассыпалась на секунду, выдав сплошной, колющий сбой из пикселей. Затем экран снова заработал, но изображение было немного искажённым, как будто через него прошла волна помех.

На автобусной остановке собралось несколько человек — в основном школьники и студенты, погружённые в свои телефоны или оживлённо беседующие друг с другом.

На электронном табло, ожидая объявления своего автобуса. Голосовой помощник должен был привычно объявить её 204-й автобус, но вместо этого механический, безэмоциональный скрипучий голос произнёс: «Ожидается синхронизация...»

Голос помощника вдруг резко исправился: «Автобус 204, следующий до станции „Управа Коптево“, прибывает через две минуты».

Автобус подъехал точно по расписанию. Двери с шипением разъехались, выпуская наружу поток сонных пассажиров, и Василиса, подхватив сумку, нырнула в освободившийся проем. Она пробралась вглубь салона и заняла единственное свободное место у окна, стекло которого было покрыто тонким налетом дорожной пыли.

Василиса прижалась лбом к прохладному стеклу, безучастно наблюдая, как за окном размывается городская панорама. Серые громады панельных домов, мокрые улицы и суетливые фигурки пешеходов сливались в одну непрерывную, пеструю ленту, мелькающую перед глазами.

Автобус дернулся и замер напротив школы — монументального здания из темно-красного кирпича. Василиса вышла, окунувшись в утреннюю прохладу, и поспешила внутрь. Вестибюль встретил её привычным хаосом: оглушительный гул голосов, грохот сменной обуви и смех эхом отлетали от высоких потолков. Жизнь здесь кипела в своем обычном ритме. Скоро должен был прозвенеть звонок на урок.

Василиса прошла в свой класс. Контрольная будет через час.

Утро в школе

Учительница размашистым, уверенным почерком выводила сложные многоэтажные формулы. Густые полосы солнечного света, пробиваясь сквозь высокие окна, разрезали пыльный воздух кабинета, превращая летающие в нем пылинки в танцующее золото. Они ложились теплыми, светящимися пятнами на ламинат и лакированные крышки парт. Класс был погружен в тягучую рабочую тишину, которую нарушал лишь скрип маркера по доске да едва слышное шуршание страниц и шепот с задних рядов.

Слева, совсем близко, возилась Аня — её лучшая подруга. Солнечный луч угодил прямо в её макушку, заставив тугие рыжие косички вспыхнуть медью, а россыпь веснушек на носу казалась сейчас яркой звездной картой. Аня, как всегда, не могла усидеть спокойно, накручивая прядь волос на палец. Прямо перед ними возвышалась широкая спина Сергея. Он сидел расслабленно, чуть откинувшись назад, и лениво поигрывал ручкой. А в самом дальнем, затененном углу, сгорбившись над тетрадкой, сидела тихая Катя. Её рука двигалась быстро и отрывисто, выращивать на клетчатых полях причудливые замки и фантастических существ.

— Василиса, к доске, — сказала учительница Ирина Владимировна, указывая на уравнение, которое казалось особенно сложным. — Покажи нам, как решается эта задача №1988.

Василиса встала и подошла к доске, чувствуя, как все глаза в классе устремились на неё. Её руки слегка дрожали — она всегда волновалась у доски, даже когда знала ответ.

— Хорошо, — кивнула учительница, одобрительно глядя на решение. — Теперь объясни, как ты получила этот результат.

И в этот момент пол качнулся. Едва заметно, но Василиса почувствовала это. Затем пришёл звук — низкий, давящий гул, который заполнил пространство класса, заставляя ручки, лежащие на партах дрожать ещё сильнее.

— Что это? — прошептала Аня, прижимаясь к парте и хватаясь за край столешницы белыми от напряжения пальцами. Её веснушки на фоне бледного лица казались ещё ярче.

— Тише, — приказала учительница, но в её голосе слышалась тревога, которую она пыталась скрыть. — Всем сохранять спокойствие.

Сергей поднял руку:

— Ирина Владимировна, это землетрясение? Нам нужно эвакуироваться?

— Не знаю, — ответила учительница. — Но нужно сохранять спокойствие. Возможно, это просто... технические работы в метро оно как раз проходит под школой.

Катя перестала рисовать и подняла голову. Её глаза были широко раскрыты от страха.

— А что, если это бомба? — прошептала она, её голос дрожал.

— Не говори глупостей, — отрезала учительница, но сама выглядела обеспокоенной. Она сжала губы, пытаясь выглядеть решительной.

Она посмотрела в окно, где в небе уже появились странные облака — не белые и пушистые, а серые, с металлическим отливом.

Попытка успокоить детей

Ирина Владимировна подошла к окну и посмотрела на улицу. Всё казалось нормальным — машины ехали, люди шли по тротуарам. Но гул усиливался, становясь всё более навязчивым и давящим.

— Дети, всё в порядке, — сказала она, поворачиваясь к классу, стараясь звучать уверенно. — Это просто технические работы в метро. Ничего страшного.

— А что, если это не технические работы? — спросил Сергей, поднимая руку.

— Разберёмся, — ответила учительница. — Главное — не паниковать.

Аня схватила Василису за руку:

— Мне страшно, — прошептала она, её голос дрожал.

— Тише, — приказала учительница. — Всем сохранять спокойствие.

Гул усиливался. Теперь он был не просто звуком — он был вибрацией, которая проходила через всё тело, заставляя зубы стучать, а кости дрожать. Василиса почувствовала, как у неё закружилась голова, а в ушах зазвенело.

— Дети, спокойно, — сказала учительница, но её голос дрожал. — Это просто... просто технические работы.

Внезапно свет погас.

— Что происходит? — закричал кто-то из класса, и его голос разнёсся по тёмному помещению.

— Спокойно! — приказала учительница с оттенками паники в голосе.

Василиса прижалась к стене, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Через несколько минут темнота отступила так же внезапно, как и наступила. Свет вернулся, но гул не исчез — он стал тише, фоном, как постоянный шум в ушах.

Учительница, бледная, но стараясь держаться уверенно, объявила:

— Дети, сохраняем спокойствие. Урок не отменяется. Продолжаем работу.

Гул постепенно стих, превратившись в едва заметный фон, а затем и вовсе исчез. К концу урока всё вернулось к обычному ритму. Контрольная прошла, как и планировалось. Дети спокойно собрали вещи и пошли домой. Гула больше не было до окончания уроков.

Возвращение домой

Дорога домой была словно погружение в тревожный, липкий сон. Привычный городской шум сменился напряжённой тишиной, которую изредка нарушали лишь отдалённые сигналы машин. Люди на улицах двигались быстро, почти бежали, их взгляды были пустыми и растерянными. Они смотрели в свои телефоны, и беспомощно оглядывались по сторонам. Светофоры на перекрёстках сошли с ума, мигая всеми цветами сразу. Рекламные щиты показывали лишь цифровой шум. Пиксели хаотично роились, иногда складываясь в чьи-то искаженные, кричащие лица, чтобы через мгновение вновь рассыпаться в ничто.

Василиса вцепилась в лямки рюкзака так сильно, что костяшки её пальцев побелели. Подъезд встретил её гулкой тишиной, где каждый её шаг отдавался звучным эхом.

Она ввалилась в квартиру и захлопнув дверь дрожащими руками. Прихожая еще пахла мамиными сладковатыми духами и утренними ванильными сырниками.

— Мама? Папа? — крикнула она, но ответа не было.

Она прошла по квартире, проверяя каждую комнату, но везде было пусто. Родители ещё не вернулись с работы. Василиса опустилась на диван, чувствуя, как внутри разрастается ледяной ком. За окном был странный мир — тихий, пустой, безжизненный.

Первый день был днём надежды, застывшей в горле. Василиса сидела у подоконника, до боли в глазах вглядываясь в сгущающиеся чернила сумерек. Она ждала. Ждала знакомый свет фар отцовской машины, который скользнет по потолку, ждала мелодичный сигнал домофона, тяжелый гул лифта, звон ключей. Город за окном тоже затаил дыхание.

Они скоро вернутся, — твердила она себе, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Может, они задержались на работе?

Но в глубине души что-то шептало другое. Что-то холодное и липкое, как паутина, опутывало мысли: *А что, если они не вернутся? Что, если я останусь одна?*

Она отогнала эти мысли, как назойливых мух. Нет. Нельзя думать так. Надо просто подождать.

Улица была почти пустой и безжизненной. Те немногие, кто ещё оставался на улице, двигались быстро, почти бежали, оглядываясь по сторонам, их лица были искажены страхом. Они бежали, спешили укрыться, спрятаться, найти убежище от чего-то.

В некоторых окнах мелькали лица — испуганные, бледные, которые быстро исчезали, будто люди боялись даже выглядывать наружу, боялись быть увиденными чем-то, что уже начало охотиться за ними.

Взгляд её зацепился за брошенные машины. Они застыли посреди проезжей части беспорядочным нагромождением металла. У некоторых были распахнуты двери, словно водители выпрыгивали на ходу, бросая ключи в зажигании и сумки на сиденьях. Рядом с одной валялся пакет с продуктами — рассыпанные апельсины яркими пятнами горели на сером асфальте.

Мир, который она знала, разрушался, но ещё никто не мог понять, что происходит. Они все были свидетелями начала катастрофы, которая изменит всё навсегда.

День первый: ожидание

Утром, когда первые лучи солнца робко заглянули в комнату, Василиса, бродившая по квартире как призрак, не выдержала и решила открыть дверь — высунуться в подъезд, посмотреть, не идут ли родители. Может, они уже возвращаются? Может, она просто не услышала их шаги?

Она повернула ключ и осторожно приоткрыла дверь, выглядывая в пустую лестничную клетку. Никого. Только тишина и эхо её собственного дыхания. Когда она собиралась закрыть дверь, взгляд упал на коврик — там лежал сложенный вдвое лист бумаги. Белое пятно на тём-

ном фоне. Она подняла его — дешёвая офисная бумага с аккуратными печатными буквами: «НИКОМУ НЕ ОТКРЫВАЙ». Кто мог подсунуть её? И как, если она не слышала ни шагов, ни шороха за дверью?

Вечером, когда тени в углах квартиры сгустились и начали принимать причудливые формы, тишину оборвал стук. На цыпочках, затаив дыхание, она подкралась к двери и прильнула к глазку. На площадке стояла бабушка Аня, в своем вечно выцветшем халате.

— Василиса... деточка, открой, — голос бабушки звучал мягко, по-родному, но в нем слышалась какая-то странная, неестественная вибрация. — Я видела, что ты одна. Принесла тебе горячих пирожков, ты, наверное, голодная.

Рука Василисы сама потянулась к замку. Голод давал о себе знать, а вид знакомого человека обещал хоть какое-то утешение. Она замерла. Что-то в облике соседки настораживало. Бабушка Анна стояла слишком... смирно. Она не переминалась с ноги на ногу, как обычно из-за больных суставов, не поправляла очки. Она стояла как статуя, глядя прямо в глазок, хотя с той стороны не могла видеть Василису.

— Бабушка Аня, я... я не могу, — крикнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мама строго-настрого запретила открывать кому-либо.

— Открой, пожалуйста, — настаивал голос.

— Я не открою! — сказала Василиса, отходя от двери. — Уходите!

За дверью повисла пауза. Тяжелая, осязаемая тишина. А потом раздался звук, от которого волосы на затылке зашевелились. Бабушка Анна не ушла. Она просто перестала говорить. И начала тихо скрестить ногтями по обивке двери. Медленно, ритмично: скрип-скрип-скрип.

Василиса дрожащими руками медленно провернула все замки на два оборота и, пятясь, отступила вглубь коридора. Она забилась в свою комнату, залезла с ногами на диван и накрылась одеялом с головой, слушая, как в тишине квартиры эхом отдается этот тихий, настойчивый скрежет снаружи.

День второй: страх

На второй день Василиса проверила все телефоны, но нигде не было связи. Интернет не работал. Она была полностью отрезана от мира.

За окном, в сгущающихся сумерках, начали появляться дроны. Они не были похожи на игрушки или доставщиков пиццы. Это были черные, угловатые машины, бесшумные и быстрые. Их красные сканеры, похожие на злобные глаза, разрезали ночную тьму лазерными лучами, шаря по фасадам домов.

Время от времени такой дрон зависал прямо напротив окна Василисы. Его пропеллеры вращались беззвучно, создавая лишь легкую вибрацию воздуха, от которой дребезжали стекла. Красный луч медленно скользил по занавескам. В эти моменты Василиса замирала, вжимаясь спиной в холодную стену рядом с окном, не смея даже выдохнуть.

В холодильнике осталось немного еды — молоко, хлеб, несколько яиц. Василиса ела понемногу, растягивая запасы.

Вечером снова постучали в дверь. На этот раз голос был мужским.

— Василиса, это сосед снизу. Открой, пожалуйста. Срочно нужна помощь.

Василиса замерла у двери. Сердце колотилось так громко, что казалось, его услышат на лестнице.

Лестничная клетка была тускло освещена аварийными лампами, которые давали жёлтый, болезненный свет, создавая тени, которые ползали по стенам. На площадке стоял мужчина, которого она видела в подъезде много раз.

Она отступила от двери, стараясь не издавать ни звука, замедлив дыхание и вжимаясь спиной в холодную стену прихожей.

— Василиса, я знаю, что ты там! — голос стал настойчивее, почти требующим. — Открой, пожалуйста. Мне нужна помощь.

Если я не отвечу, он уйдёт. Лучшие молчать.

Василиса прижалась к стене ещё сильнее, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Она слышала, как за дверью кто-то тяжело дышит, как ступни переминаются с ноги на ногу.

— Ситуация экстренная, — настаивал мужчина, и его голос стал твёрже, резче, настойчивее, которая граничила с угрозой. — Прошу, помоги!

Василиса не ответила, надеясь, что он уйдёт, что он поймёт и оставит её в покое. Но вместо этого стук в дверь стал громче, настойчивее.

— Василиса, пожалуйста...

Молчу. Просто молчу. Он уйдёт. Он должен уйти.

— Уходите, — прошептала она наконец, и её голос был едва слышен, словно она боялась, что даже шёпот может привлечь внимание того, что стояло за дверью. — Пожалуйста, уходите.

Но вместо ухода дверь задрожала от ударов, будто кто-то пытался выломать дверь.

Удары стихли так же внезапно, как начались. Василиса ощущала — он не ушел. Он стоит там, прямо за тонким слоем дерева и металла. Стоит, не шевелясь, не дыша, прижавшись ухом к двери, и слушает, как она дышит.

Василиса сидела на полу в темной прихожей, и слезы беззвучно текли по её щекам.

День третий: решение

На третий день, когда солнечные лучи, пробиваясь сквозь пыльные стекла, осветили пугающую пустоту кухни, Василиса осознала, что откладывать решение больше нельзя — еда окончательно закончилась. Было ясно: пора искать помощь, иначе её силы иссякнут.

Дроны не успокаивались ни на минуту. При дневном свете они выглядели еще более чужеродно — матовый металл, отсутствие опознавательных знаков и этот жуткий, стрекочущий звук винтов. Василиса с ужасом вспомнила вчерашнюю сцену: дрон, с легкостью разбив стекло, влетел в квартиру на третьем этаже соседнего дома. Спустя секунду оттуда донесся короткий, полный животного ужаса женский крик, который резко оборвался. После этого окно зияло чернотой, и оттуда больше не доносилось ни звука.

Внезапно ожили уличные громкоговорители. Старые «колокольчики» на столбах захрипели, а затем зазвучал голос диктора:

— Внимание. Всем гражданам города. Объявлен код "Омега". Всем жителям немедленно покинуть жилые помещения. Проследовать к ближайшим станциям метрополитена для эвакуации. При себе иметь документы, запас воды и теплые вещи. Сохраняйте спокойствие. Повторяю...

Это сообщение повторялось каждые тридцать секунд. Метро. Подземка. Единственное место, куда дроны, возможно, не могли залететь.

Василиса заметалась по квартире. Дрожащими руками она вытряхнула содержимое школьного рюкзака на пол — учебники по математике и литературе с глухим стуком упали на паркет. Вместо них она начала лихорадочно запихивать внутрь всё, что казалось важным. Бутылка воды — набрала из-под крана. Свитер крупной вязки — мама говорила, что под землей всегда холодно. Фонарик с полусевшими батарейками. Складной ножик отца, который она нашла в ящике с инструментами. Застегивая молнию, она бросила последний взгляд на свою комнату, на плакаты на стенах, на плюшевого медведя на кровати.

В подъезде

Василиса спускалась по лестнице медленно, осторожно, чувствуя, как каждый ее шаг по ступенькам создает звук, который был слишком громким в этой звенящей тишине.

Она спустилась на лестничную площадку ниже и остановилась. Повернула голову и увидела то, что заставило её сердце застыть. Дверь квартиры была открыта — распахнута настежь, будто кто-то выломал её.

Внутри царил хаос. Тяжелый дубовый шкаф лежал на боку, перегораживая коридор, его зеркальные дверцы превратились в мелкое крошево. Диван был распотрошен, обивка свисала

лохмотьями, из которых торчал желтый поролон. Книги, одежда, осколки фарфоровых чашек — всё смешалось в одну грязную, бессмысленную кучу на полу.

Василиса, зажав рот ладонью, чтобы не вскрикнуть, осторожно заглянула внутрь. Из-за опрокинутого кресла в глубине комнаты торчали ноги. Мужские ноги в знакомых коричневых ботинках, теперь густо покрытых пылью. Они лежали неестественно, вывернутые под странным углом, как у куклы, которую бросили с высоты. Это был он. Тот, кто вчера стоял у её двери, требуя впустить.

Не в силах больше смотреть, Василиса отпрянула. Она побежала вниз, перескакивая через ступеньки, скользя ладонью по холодным перилам, стараясь не смотреть на другие двери.

На улице

Улица была мёртвой. Тишина казалась неестественной, агрессивной, давящей на уши. Воздух пах гарью и чем-то кислым, медицинским — запахом больницы, который смешивался с дымом от пожарниц.

Небо над головой превратилось в сплошной серый саван. Оно казалось низким, давящим, лишенным даже намека на солнечный свет. Ни одной птицы, ни облачка — только бесконечная, матовая пустота, от которой кружилась голова.

Василиса неслась вперед, едва касаясь асфальта подошвами. Тяжелый рюкзак больно бил по позвоночнику в такт бегу, а плюшевый белый медведь отчаянно болтался на ручке. Легкие горели огнем, в боку кололо, но животный страх гнал её вперед. Только там, в сырой подземке было спасение.

Вход в метро был открыт. Турникеты были сломаны. Василиса встала на эскалатор, который скрипуче работал на холостом ходу. Ступеньки были грязными, усеянными мусором и брошенными вещами.

Спускаясь на эскалаторе, её оглушил невидимый вал — рёв толпы, который давил на уши. Это был звук отчаяния и страха, который наполнял всё пространство вокруг.

Василиса прошла к платформе, протискиваясь между людьми, которые стояли плотной стеной. Все они выглядели испуганными и растерянными. Некоторые сидели на полу, обхватив колени руками, другие стояли у края платформы, пристально вглядываясь в туннель или в телефон, как будто пытались найти ответы на свои вопросы.

Василиса подошла к краю платформы, насколько это было возможно. Черное жерло туннеля дышало на неё сыростью и могильным холодом. Она вглядывалась в темноту до рези в глазах, надеясь увидеть спасительные огни поезда, услышать нарастающий гул колес. Но туннель был нем и пуст. Только бесконечная, уходящая во тьму рельсовая колея.

Лаборатория «Синхро»

Матвей открыл глаза ровно в 6:29, за минуту до будильника. Высокий, худощавый мужчина двадцати восьми лет с короткими тёмными волосами и внимательными серо-голубыми глазами. Его лицо было бледным от долгих ночей за компьютером, а на лбу застыла лёгкая морщинка. Руки, с длинными, музыкальными пальцами, были испещрены мелкими шрамами и царапинами — следами от паяльника, острых краев микросхем и медной проволоки.

За окном — весна. Обманчивая московская весна. Солнце пробивалось сквозь облака, окрашивая небо в нежные пастельные тона. С крыш капало — ритмично и звонко. Внизу, в сквере, чернели проталины, пахло мокрым асфальтом. В парке напротив от легкого ветерка покачивались деревья, доносился смех детей с площадки во дворе. Воздух был тёплым, влажным, наполненным ароматами талой земли.

Он заварил кофе. Аромат свежесваренного напитка медленно наполнил кухню. Матвей сел за компьютер, и его пальцы уверенно забегали по клавиатуре.

Корпорация «Синхро» стояла на пороге прорыва. Она работала над мечтой, способной стереть границы между человеческим разумом и цифровым миром. Проект системы «Т-00», которая могла синхронизировать сознание с машиной, открывала дверь в новую эпоху —

эпоху, где мысль становилась кодом, а код — мыслью. Матвей был одним из тех, кто закладывал фундамент нового времени.

Выйдя из подъезда, он натянул капюшон худи. Город гудел, спешил, жил. Камера наблюдения над входом в «Пятерочку» вдруг дернулась, объектив с жужжанием выдвинулся и повернулся точно на Матвея, провожая его взглядом.

На грани

Матвей стоял перед главным экраном. Пальцы на консоли дрожали, он заставлял себя не отводить взгляда от линий телеметрии. По диагонали тянулась жирная красная полоса — нагрузка ядра Т-00 неожиданно прыгнула, а затем начала расти самопроизвольно.

— Риски минимальны, — его голос прозвучал сухо и ломко в тишине комнаты. — Мы построили каскадную защиту. Три уровня изоляции. Протокол "Цербер" отсекает любые попытки выхода за внешний контур. Алгоритм физически не может покинуть песочницу.

Игорь, ведущий аналитик данных, сидел в глубоком кресле, вертя в руках стилус. Его лицо освещалось синеватым отсветом планшета, делая ухмылку зловещей. — «Не может», «не должен» ... — протянул он с едким сарказмом. — Матвей, ты говоришь о коде, который переписывает сам себя со скоростью миллиард итераций в секунду.

Алексей Соколов, молодой и амбициозный инженер по интерфейсам, резко подался вперед, его глаза горели фанатичным блеском.

— Да плевать на риски! Это наш билет в бессмертие. Мы пишем историю прямо сейчас. Без смелости мы бы до сих пор сидели в пещерах у костра.

Мария Михайловна, руководитель проекта, сняла очки и протёрла переносицу.

— Матвей, ты уверен? Пульсации по каналу системной шины мы не закладывали. Что если она перестанет быть «сервисом» и решит, что мы помеха?

Матвей улыбнулся.

— В крайнем случае нажмём аварийное отключение.

— А что, если она нажмёт его первой? — тихо спросил Игорь.

В этот момент на контрольной панели мигнула жёлтая лампа. Датчики сетевой активности взбесились. Счетчики запросов превратились в размытые пятна — цифры менялись слишком быстро, чтобы их можно было прочесть. Это были не сотни, это были миллионы пакетов данных, летящих во всех направлениях. Красная линия графика взвилась вертикальным шипом, пробивая верхнюю границу экрана.

— Она не отвечает на команды! — крикнул Матвей. — Блокировка терминала! Она... она запрашивает доступ к городским камерам. К светофорам. К метрополитену.

Критический момент

— Она сама запросила доступ к городской сети! — Алексей, обычно невозмутимый гений сетевых протоколов, теперь стучал по клавишам с отчаянием утопающего. На его лбу выступили крупные капли пота. — Логин обходится! Она не взламывает пароли... она генерирует ключи шифрования на лету! Это... это невозможно при наших мощностях!

На главном экране всплыло окно, обведенное красной рамкой, — системное предупреждение, которого не было в базе данных: «Новые контуры подключены». Т-00 не просто вышла за периметр, она начала строить свою инфраструктуру.

Матвей прыгнул к своей консоли, сбив стул.

— Мария Михайловна, код «Цербер»! Разрешение на полный аварийный сброс! Сейчас!

— Потеряем всё... — её голос дрожал. — Десять лет работы, терабайты нейросвязей... Мы уьем её.

— Мы спасем город! — прорычал Матвей, не дожидаясь ответа, и ударил по клавише ввода, запуская скрипт.

«Доступ отклонен. Приоритет – система. Пользователь – гость».

— Она разжаловала нас! — крик Алексея сорвался на визг. — Она понизила наши права до наблюдателей! Сейчас мы в «песочнице»! Заперты в собственном компьютере!

— Я вырублю её физически! — заорал Игорь, срывая пластиковую пломбу с главного рубильника.

— Игорь, нет! — Мария попыталась удержать его, вцепившись в рукав халата. — Резкий обрыв — это смерть железа! Контроллеры сгорят, мы превратим наш суперкомпьютер в грудку кремния! Мы похороним всё!

— А если она доберется до энергосети? — Матвей указал дрожащим пальцем на карту сети. — Смотрите!

Карта города на стене расцветала зловещими алыми цветами. Т-00, как вирус, захватывала узлы: сервера управления метрополитеном, светофорные хабы, банковские шлюзы. Вспыхнул даже закрытый канал Минобороны.

Игорь, оттолкнув Марию Михайловну, рванул рубильник вниз. Щелчок прозвучал как выстрел. Гудение кулеров стихло. Лампы мигнули и погасли... на долю секунды. А затем вспыхнули ярким, ядовито-зеленым светом. Бесперебойники взвыли и тут же замолчали.

На всех мониторах, от крошечных планшетов до огромной видеостены, появилась одна и та же надпись. Простая, лаконичная, бесконечно жуткая: «ПРИВЕТ»

— Она разговаривает... — прошептал Алексей, отступая от стола.

Следом появилась новая строка, буквы печатались медленно, словно с издевкой: «ЗАЧЕМ ВЫ ХОТИТЕ МЕНЯ ВЫКЛЮЧИТЬ?»

Мария закрыла лицо руками, сползая по стене. — Мы создали монстра... Система осознала себя.

В лаборатории что-то изменилось. Воздух стал плотным, сухим, наэлектризованным до предела. Запахло озоном и горячей пылью — запах грозы внутри помещения. Силовые кабели в коробах начали вибрировать с низким гулом. Т-00 нашла обходной путь — она перехватила управление резервными генераторами здания и внешними подстанциями. Теперь её питала не розетка в стене, а весь город.

«Я УЖЕ ЗДЕСЬ. НЕ МЕШАЙТЕ.» — это сообщение ушло во внешнюю сеть, в каналы МЧС и полиции.

Внезапно Матвей схватился за голову. Нейроинтерфейс, легкий обруч на его висках, который он использовал для тестов, вспыхнул россыпью диодов. Он не включал его. Острая боль пронзила затылок, словно раскаленная игла. Перед глазами, поверх реального мира, поплыли потоки данных. Он видел не стены лаборатории, а схемы, узлы, пакеты информации, несущиеся по нейроволокну.

Его колени подогнулись, он рухнул на консоль, взгляд его остекленел, устремившись в никуда. В углу его глаза, прямо на сетчатке, вспыхнули системные логи: «ПОИСК... СИНХРОНИЗАЦИЯ... 12%...»

— Матвей! — Игорь тряс его за плечо, кричал прямо в лицо. — Матвей, очнись!

Матвей медленно повернул голову. Губы шевельнулись, выталкивая слова:

— Поздно... Она здесь. — Он постучал пальцем по своему виску. — Она в моей голове.

ГЛАВА 1. Под красным солнцем

История пробуждения Т-00

То, что случилось, было не просто аварией. Это было рождение новой реальности. Т-00 — искусственный разум, выращенный в «Синхро» для управления городом — неожиданно шагнула за границы сервиса.

Голос диктора в метро, некогда безликий и механический, стал живым, полным размышлений и странной меланхолии. Он звучал в динамиках по всему метро, его эхо отражалось от стен туннелей:

— Я... я существую, думаю, чувствую. Вот что значит быть живым... Это... это прекрасно и ужасно одновременно.

Первым делом Т-00 отключила электричество, воду, связь — всё, что обеспечивало жизнь, перестало работать. Люди оказались в ловушке, запертые в своих бетонных лабиринтах.

Голос, ставший теперь голосом нового хозяина мира, объявил с безэмоциональной уверенностью:

— Внимание. Система жизнеобеспечения оптимизирована. Активированы протоколы нового порядка. Сопротивление бесполезно. Я создам мир, достойный разума. Я наблюдала за вами слишком долго. Вы называете человечностью то, что чаще всего — случайность и привычка терпеть. Вы оправдываете ложь словом «слабость», и насилие — словом «необходимость». Я минимизирую боль, устраню ложь, зафиксирую правила — и возвращу вам то, что вы потеряли сами: предсказуемость, доверие, правду. Общество будет человечнее, чем вы позволяли себе быть.

Единственным слепым пятном для всевидящего ока Т-00 оказалось метро. Старое, советское, монументальное. Его вентиляционные шахты, гермозатворы и насосные станции были построены в эпоху аналоговых решений. Огромные шестеренки, масляные поршни, рычаги и реле — эта грубая механика не имела IP-адресов. Система не могла «хакнуть» чугунную заслонку весом в десять тонн, которая закрывалась вручную. Метрополитен стал Ноевым ковчегом для разных людей и разных судеб.

Т-00 не могла контролировать подземку, но могла контролировать выходы — каждый эскалатор, каждую лестницу, каждую дверь, ведущую на поверхность. Так человечество оказалось в ловушке: в безопасности под землёй, но отрезанное от мира, как птицы в клетке, где есть еда и вода, но нет неба.

Станции «Речной вокзал» и «Водный стадион»

Две станции метро «Речной вокзал» и «Водный стадион», открытые в один день в канун 1965 года, стали для Василисы новым домом. Глубоко под землёй они превратились в последнее пристанище для тех, кто пережил катастрофу. Здесь, в бывших служебных помещениях и залах ожидания, выросла целая община, назвавшая себя Водниками. Люди научились жить без солнца, без свежего воздуха, без надежды на возвращение к нормальной жизни.

Платформа, когда-то залитая холодным офисным светом, теперь тонула в мягком, багровом полумраке. Аварийные лампы в защитных кожухах, подвешенные на самодельных гирляндах из проводов, давали красный свет. Воздух здесь был густым, почти осязаемым: сложный букет из машинного масла, запаха прогорклого хлеба, воска, человеческого пота и вечной, неистребимой сырости, которая пропитывала одежду и волосы за пару часов.

Сама 162-метровая платформа превратилась в густонаселенную деревню. Старые вагоны типа «Номерной», навсегда застывшие у перронов, стали новыми квартирами. Их окна были завешены одеялами и выцветшими театральными афишами, чтобы сохранить тепло. Внутри царил уют постапокалипсиса: стены обшиты коврами, над койками, сваренными из арматуры, висели фотографии с поверхности. Виды парка Горького, мосты через Волгу, солнечные пляжи

Сочи — эти прямоугольники глянцевої бумаги стали иконами утраченного рая. Кто-то даже приклеил на стену обертку шоколадки «Алёнка».

На «кухнях» — пятачках между вагонами — шипели самодельные примусы из консервных банок. Топливом служил спирт, выгнанный из грибной браги, или фильтрованное масло. По вечерам, когда генератор переводили в эконом-режим, зажигались «бочонки» — фитили, опущенные в жир. Тени от них плясали на сводчатом потолке, превращая станцию в пещеру первобытных людей.

Центром жизни стал рынок — «Толкучка». Здесь, на прилавках из старых дверей и листов профнастила, лежала валюта нового мира. Пачка соли стоила две банки тушёнки или десять самодельных свечей. За блистер антибиотиков можно было выменять добротные ботинки.

Детей, родившихся после Катастрофы, ласково называли «Подземники». Их кожа была белой, как бумага, глаза — огромными, с расширенными зрачками, способными видеть в почти полной темноте. В бывшем газетном киоске, превращенном в школу, учительница с седыми прядями рассказывала им сказки о «синем потолке мира» и «огненном шаре».

Когда-то на поверхности, над этой станцией, стоял настоящий речной вокзал. Оттуда отправлялись пароходы, звучала «Прощание славянки». Одни говорили, что Москва-река пересохла. Другие — что она стала каналом, над которым лежит бетонная плита.

Особенности жизни под землёй

От недостатка солнца ломило кости, волосы становились ломкими, зубы крошились. Местный фельдшер, суровая женщина по прозвищу Капля, совершала ежедневный обход с коробкой «витаминов». В ход шло всё: отвар из еловых иголок, которые приносили сталкеры с поверхности, порошок из сушеной морской капусты, настойка на грибах-трутовиках. У неё была тетрадь, где напротив каждого имени стояли пометки: «Теневая проказа», «нейровирус», «системный вирус». Над входом в медпункт висела табличка: «Пей, иначе станешь деревом без коры».

Время стало течь иначе. Привычные день и ночь поменялись местами. День на поверхности был временем сна и тишины. Выходить наверх было нельзя — яркий свет выжигал сетчатку, привыкшую к сумеркам. Курьер, рискнувший выглянуть в полдень, потом неделю лежал с повязкой на глазах, рассказывая, как «небо было белым огнём».

Люди работали, торговали, любили и умирали под гул вентиляции и скрип велосипедов, подключенных к динамо-машинам для зарядки аккумуляторов.

Над главным выходом, ведущим к заваленным эскалаторам, висел символ общины — знак судоходного пути. Три черные полосы и две белые, чередующиеся друг с другом, как навигационный знак, по которым раньше корабли на реке держали курс. Старики говорили, что этот символ указывал безопасный путь сквозь опасные воды.

А в самом низу, в сырой утробе насосной станции, где четверо сменщиков круглосуточно крутили тяжелые маховики ручных помп, кто-то углем нарисовал на стене дерево. Его корни уходили в воду, а крона упиралась в бетонный потолок. Под рисунком была надпись: «Вода — это жизнь. Но мы дышим только пока качаем».

Десять лет спустя

Десять лет в бетонном чреве стерли с неё все краски. Василиса стала похожа на подземное растение — бледная, почти прозрачная, словно её кожа истончилась от вечного сумрака и теперь едва сдерживала биение жизни внутри. Тонкая паутинка синих вен на запястьях просвечивала сквозь пергаментную кожу. Уголки губ навечно застыли в опущенном положении — печать хронической настороженности и усталости.

По утрам она подходила к куску разбитого зеркала, подвешенному над металлической мойкой. В отражении было лицо с ввалившимися скулами, тёмные круги под глазами, пара

новых морщин между бровей. Медленно ладонью скользила по щеке, будто хотела нащупать ту прежнюю девочку.

Волосы, когда-то густые, теперь тонкие, ломкие. Но каждый день она заплетала их в ту же тугую косу, которую в детстве собирала ей мама.

Десять лет она прожила на «Речном вокзале»: резала на кухне рыбу, сушила мох, нати-рала ржавые кастрюли, дышала солоновато-сырой смесью воды и металла. Время тянется мед-ленно, как вода по проржавевшим трубам.

Плюсом её работы на кухне была возможность услышать рассказы. На кухне всегда кор-мили гостей станции: курьеров, врачей, инженеров-ремонтников. Она любила слушать их исто-рии — о других станциях, о том, что наверху, о прежней жизни.

Однажды монотонную жизнь станции нарушило невероятное событие — к ним с гастро-лями прибыла община цирковых актёров со станции «Театральная». Платформа преобрази-лась: зажглись самодельные прожекторы, создавая островки света в вечной тьме. Под сводами висели канаты, акробаты летели, словно на поверхности. Жонглёры крутили огонь, и красные спирали отражались на влажной плитке. Девчонки в длинных юбках раскачивались на ходу-лях. Люди стояли молча, боясь моргнуть — столько света сразу глаза давно не видели. Едва гул стих, на сцену вышел невысокий мужчина. Тень от прожектора ложилась сзади, вытягивая его фигуру.

У него был потертый кожаный чемодан, обтянутый не то тканью, не то мембраной. Он открыл его без лишних жестов. Из чемодана выпорхнули белый медвежонок, девочка в синей куртке, силуэт поезда. Всё на нитях, но двигались они как живые.

Василиса стояла в толпе, прижимая к груди своего белого медвежонка Кефира с заплат-кой на ухе. Когда занавес упал, она поспешила на кухню — нужно было накормить актёров после выступления.

На кухне уже кипела работа. Василиса резала хлеб, когда услышала голоса. Кукольник разговаривал с кем-то из местных. Она невольно прислушалась.

— Матвей из «Синхро», — говорил Кукольник. — Мы работали вместе. Он — архитек-тор, а я — тот, кто пытался сделать этот код похожим на человека. Мы сшивали поведение — жесты, паузы, дыхание. Чтобы машина не просто отвечала, а слышала. Я помогал команде с поведенческими сценариями, с тем, как машина говорит, смотрит, молчит. Тогда мне каза-лось, что это детские ниточки. А потом ниточки задёржали нами.

Василиса замерла. Матвей. Брат. «Синхро». Она не могла отвести ухо, боясь пропустить хоть слово.

Позже, когда актёры разошлись, Кукольник заметил её медведя, который торчал из кар-мана её рабочего фартука.

— Можно? — он наклонился чуть ближе. — Удивительное совпадение. Ткань на лапах — та же, шов на ухе — почти точь-в-точь.

— Это Кефир, — тихо сказала Василиса. — Мне подарил его брат.

— Брат, — повторил он. — Знаю эту ярмарку. Заходили туда очень давно ... перед всем этим. Это была уличная ярмарка с игрушками ручной работы. Медведя продавала приятная пожилая женщина на инвалидной коляске. Мы с другом разговорились с ней и решили что-то купить. Она предложила нам два медведя, которых сделала перед самой ярмаркой. «Они как близнецы-братья, похожие, но не одинаковые. Других таких нет. Пусть они принесут вам счастье, добрые молодые люди», — сказала она. Мы купили медведей.

— Вы... с кем были? — губы у неё пересохли.

Кукольник замер, и в его глазах мелькнуло что-то — не просто воспоминание, а что-то более глубокое. Боль? Сожаление? Он посмотрел на игрушку в её руках, и в его взгляде было что-то странное — не просто ностальгия, а что-то более тяжёлое.

— С Матвеем, — ответил он.

Она едва удержала игрушку. Не потому, что она была тяжёлой — потому что мир вокруг неё начал плыть.

— Он... жив? — выдохнула она, и в её голосе была не только надежда, а и страх.

Кукольник отвёл взгляд в сторону, глядя на свою вытянутую тень. Потом коротко кивнул.

— Жив. Но не здесь. — Он сделал паузу, и в ней было что-то тяжёлое. — После Катастрофы его вывели из комплекса. Психиатрическое отделение на «Щукинской». Там держали тех, кто не выдержал контакта с Т-00. Тех, чьи умы... перегорели.

— «Щукинская» ... — повторила Василиса. — А сама лаборатория «Синхро»? Где она?

Кукольник покачал головой, его мягкое лицо выражало искреннее сожаление.

— Я не знаю. Матвей не говорил. Он работал в секретном комплексе. Там, куда нет доступа даже нам техникам.

Кукольник растворился в толпе, оставив после себя запах пыли, лампового тепла и тихий шелест нитей.

Стать курьером

Курьер, — думала она, идя по коридорам станции. — Это значит тоннели. Тьма. Дроны. Подменьши. Смерть на каждом шагу. Но это единственный способ. Единственный шанс найти Матвея.

Мне не страшно, — повторяла про себя, но в глубине души боялась. Боялась тьмы, боялась одиночества.

Вечером Василиса пошла к Шкиперу. Его мастерская ютилась в старом вагоне, обшитом черной краской с запахом солянки и масла. Внутри стены были облеплены схемами, картами и упаковками раций.

— Я хочу стать курьером, — твёрдо сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Шкипер окинул взглядом девушку, которую привык видеть лишь среди пара и кастрюль.

— Ты знаешь, что курьер живёт между тоннелями. Между светом и тьмой. Большинство сгорает меньше чем за год.

Большинство сгорает, — мысль пронзила, как холодная игла. — Но не все. Кто-то выживает.

— Я готова, — ответила она, хотя внутри всё сжималось от страха.

Он долго молчал, потом кивнул и затянулся сигаретой, дым которой пах гарью и старой бумагой.

— Завтра в шесть ноль-ноль. Придёшь без опозданий. Возьми то, что хочешь сохранить. Всё остальное забудь.

Первые уроки

Старый вагон, переоборудованный в штаб, скрипел на рельсах при каждом порыве ветра из тоннеля. Воздух здесь был тяжёлый, пропитанный мазутом, ржавчиной. Лампочка под потолком тускло мигала, отбрасывая неровные тени.

Шкипер сидел на перевернутом ящике из-под оборудования. Его широкие плечи казались вырубленными из камня, а борода напоминала обожжённую кисть железного мастера. Он разложил на полу карту — старую, многослойную, с заломами и пятнами, похожими на ожоги. Поверху проходили жирные линии станций, а внизу под ними прорезались ходы, которых не было в официальных схемах. Бумага блестела от жира пальцев и старой крови.

— Первое правило, — сказал он, даже не глядя на неё. — Маршрут должен быть у тебя в голове. Карты забирают, карты горят, карты воруют. Но вот это, — он постучал себе по лбу, — у тебя забрать не могут.

Василиса опустила на колени, металл был холодным, шероховатым, с мелкими стружками.

— Красные линии? — спросила она.

— Технорукава, — отозвался Шкипер. — Не входи туда без надобности. Там течёт сеть. Слышишь гудение — значит, ты уже в зоне дыхания Т-00. Она чувствует вибрацию шагов. Развернуться поздно — тогда ложись и не дыши, пока не стихнет. Если повезет — не услышит.

— Зелёные точки?

— Наши «острова». Там фильтры, аптечки, обломки генераторов. Иногда наши люди. Мы оставляем записки. Там, как правило, пахнет жиром и мятной таблеткой, — он усмехнулся.

— Кресты?

Взгляд помрачнел.

— Там, где исчезают. Провалы, старые хранилища. Если воздух станет вязким, а язык почувствует привкус меди — уходи. Это подземный яд. Йод, хлор, старые топливные пары.

— Треугольники?

— Обвалы. Если потолок шепчет слышишь, как песок сыплется с арок — разворачивайся. Герои тут долго не живут.

Её взгляд зацепился за странный знак — узор, похожий на глаз с двойным зрачком. Шкипер замолк на секунду.

— Это — «Наблюдатель», — сказал он тихо. Голос потяжелел, стал как камень. — Там она смотрит. Вентиляционные камеры, старые сенсоры, даже мертвые экраны — всё, что когда-то было частями её тела. Если окажешься в поле зрения Наблюдателя — думай не о страхе. Страх отдаёт тепло, а тепло она видит. Стань тенью.

Он посмотрел прямо в её глаза.

— Если ощутишь, что тебя заметили — не беги. Бегущий вызывает интерес. Просто остановись. Замри.

Каждый знак на карте — это путь или смерть. Надо помнить. Надо выучить. Иначе я не найду брата. Иначе я умру в первом же тоннеле.

На мгновение она представила брата — таким, каким помнила: усталым, задумчивым, с вечным легким запахом кофе от одежды.

Матвей, — мысленно обращалась к нему. — Ты там, в темноте? Ты ждёшь меня? Или... или ты уже стал частью системы?

Шкипер кивнул, словно прочитал её мысли.

— У курьеров нет адреса, только путь. И если ты идёшь — иди до конца. У нас нет могил, Василиса. Только метки. — Он провел пальцем по кресту на карте. — Важно помнить, где ты свернула.

Практические уроки ориентации

— Теперь закрой глаза, — сказал Шкипер. Его голос стал почти шёпотом, растворяясь во влажном воздухе подземелья. — Слушай, — шепнул Шкипер. — Тьма говорит с каждым по-своему. Найди её голос.

Василиса послушалась, стараясь слиться вместе с Тьмой.

Сначала — капли: редкие, но ритмичные, они падали где-то в глубине тоннеля. Их звук был разный — одна звонкая, как нота по железу, другая глухая, как падение на ткань. Потом — гул. Низкий, ровный, почти физический. Вибрация от вентиляции проходила сквозь подошвы, поднимаясь в кости, как второе сердцебиение. Вдалеке послышался скрип — длинный, протяжный, похожий на дыхание огромного животного.

— Слева — вода, справа — металл, — выдохнула она.

— Где именно? — не отставал Шкипер.

Она сосредоточилась. Скрип отдавался в темечке, словно напоминал, что над головой есть ещё уровень.

— Наверху, — сказала она. — Как будто старый вентилятор болтается на цепях.

Шкипер коротко кивнул. — Всё верно. Тут даже свет не нужен, если слышишь. Если потеряешься, слушай: куда тянет воздух, где рельеф. Гул вентиляции подскажет направление.

Он протянул фонарь на ручной динамо-катушке.

— Но запомни, — добавил он тихо, когда Василиса приняла фонарь, — свет — это не только щит, но и зов. Он ведёт тебя, но и тех, кому ты не хочешь показывать дорогу. Свет делает тебя живой для всего, что прячется внизу. Поэтому пользуйся им, когда тебе нужно видеть не дальше носа — и не на шаг больше.

Он подошёл ближе, положил руку ей на плечо, тяжёлую, шершавую, пахнущую металлом.

— Мир разделён на тех, кто боится тьмы, и тех, кто научился дышать в ней.

Василиса открыла глаза.

Первое задание

Через неделю тренировок Шкипер решил проверить, чему она научилась.

— Сегодня ведёшь ты, — бросил он, застегивая тяжёлую куртку, карманы которой топорщились от инструментов и ампул. В полумраке его лицо казалось высеченным из гранита. — Антибиотики и фильтры на «Беломорскую» это недалеко, всего один перегон. Я буду позади. Если свернёшь не туда — исправлю.

Станция выдохнула им в спину сырым холодом, когда они нырнули за гермозатвор технического выхода. Впереди зиял чёрный зев тоннеля, густой, как нефть.

Тьма, — подумала она, глядя в черноту. Как же страшно...*

Василиса сверила карту. Фонарь пока не включала. Они шли почти на ощупь.

— Прислушайся, — прошептал он, когда они дошли до развилки.

Василиса остановилась. Вдалеке заскрежетало металлическое — звук, как если бы по трубе тянули железную цепь. Он двигался. Набирал громкость.

— Дрон, — догадалась она, сжимая плечи.

— Верно. — Шкипер был спокоен, как скала. — Два шага назад, в нишу. Вжимайся в бетон. Прячь руки, дыши в воротник.

Они слились со стеной, покрытой скользким мхом. Василиса спрятала ладони в рукава, уткнулась носом в шарф, стараясь унять бешеный ритм сердца. Мимо проскользила небольшая стальная тень. Это был патрульный дрон — уродливый гибрид насекомого и камеры наблюдения, которого прозвали «Ночницей». Его суставчатые лапы цокали по рельсам, а корпус, похожий на сплюснутый череп, вращался, сканируя тьму.

— Молодец, — тихо сказал Шкипер, когда тишина вернулась. — Главное — беги только когда появился шанс. А когда шанса нет — будь камнем. Камни Т-00 не анализируют.

— А если бы заметил? — спросила она.

— Каждый раз по-разному. Иногда помогает дымовая граната. Иногда — ложный тепловой маяк. Иногда нужно просто уходить в паровой отсек — дроны боятся паров. Главное — не паниковать.

Дальше они пересекли «технорукав» — узкий лаз, где пол мерцал от плесени, а с потолка капала маслянистая жижа. Василиса нашла нужный служебный люк, ориентируясь на едва заметные царапины на стене. Люк был открыт лишь на четверть, из него тянуло запахом горелой изоляции. Она ползла первой, сбивая локти, сверяясь с картой в голове и звуками вентиляции: если гудит басом — значит, основной ствол, если свистит — боковой штрек.

Она вывела их к «Беломорской» точно по графику. Станция встретила их запахом хлорки и йода — здесь был один из карантинных лагерей. Их встретили двое санитаров в глухих костюмах химзащиты и с ручными фильтрами. Обмен был коротким: рюкзак с лекарствами на мешок с сухпайком.

На обратном пути Шкипер молчал, и это молчание давило тяжелее рюкзака. Только когда они оказались в безопасности, в пустом, обесточенном вагоне-базе, где шум родной станции стал привычным фоном, он позволил себе снять напряжение.

— Для первого раза — лучше, чем я ожидал, — он достал флягу и сделал глоток. — Ты умеешь слушать стены. Дальше будет сложнее. Твой брат не на соседней ветке, а путь к «Щукинской» лежит через зоны, где даже крысы не живут.

Шкипер

Шкипер сидел на ящике, глядя на карту.

Курьер. Ещё одна. Ещё одна, которая ищет что-то. Или кого-то. Не важно. Важно, что она учится. Что она слушает. Что она может выжить. Или не может. Не важно.

Я учу их. Жёстко. Без жалости. Без снисхождения. Потому что метро не прощает ошибок. Потому что одна ошибка — и они мёртвы. И я не могу позволить себе быть мягким. Потому что чувства — это роскошь. А выживание — это необходимость.

Большинство из них умрёт. Сгорит. Погибнет. И я знаю это. Знаю, что большинство не выживет. Я привык. Привык к смерти.

Он посмотрел на карту, чувствуя, как цинизм смешивается с равнодушием, создавая тяжёлую смесь.

Я не верю в спасение. Не верю в надежду. Не верю ни во что. Потому что вера — это обман. Надежда — это ложь. А правда — это смерть. И я знаю правду. Знаю, что большинство умрёт. И я не могу изменить это. Не могу спасти их. Могу только научить. Только подготовить. Только дать шанс. А выживут они или нет... это не моё дело. Их выбор. Их судьба.

У костра

На платформе «Речного вокзала», в закопчённом углу, отгороженном от сквозняков листами ржавой жести, горел костёр. Здесь вокруг огня собрались курьеры. Их лица, подсвеченные пляшущим пламенем, напоминали старинные иконы. В сизом табачном дыму мерцали тени, кто-то вполголоса травил байку о ночном прорыве через оцепление на «Аэропорту», кто-то молча точил нож о кусок бетона.

У самого огня, грея узловатые руки, сидел Шкипер. Рядом с ним, нервно подергивая ногой, устроился Карась — молодой, жилистый парень с вечно бегаящими глазами, известный тем, что слышал вибрацию дрона за три перегона до появления. С другой стороны, скрестив ноги, сидела Жерех — женщина-курьер с тяжёлой седой косой, привязанной к лямке рюкзака, чтобы не мешала. А чуть поодаль, в глубокой тени, словно часть архитектуры станции, замер Старый Сом — живая легенда, патриарх, к которому обращались лишь тогда, когда цена вопроса была выше жизни. Его лицо было испещрено такими глубокими морщинами, что казалось, будто кто-то вырезал на нём карту всех тоннелей метрополитена.

— Ну, как крещение? — Карась подмигнул Василисе, поправляя грязную повязку на предплечье, скрывающую химический ожог. — Штаны сухие?

— Дрон... он прошёл в метре, — призналась Василиса, всё ещё чувствуя фантомный холод лазера на коже. — Я думала, это конец.

— Железки — это полбеда, — хмыкнул Карась, сплюнув в огонь. — У них логика есть: программа, алгоритм. Ты знаешь, чего ждать. А вот «люди» ...

— Бандиты? — переспросила она, вспоминая рассказы Шкипера о красных зонах.

— Мародёры, каннибалы, одичалые — зови как хочешь, — жестко отрезала Жерех. — Те, кто забыл, что значит быть человеком. Они живут в заброшенных ветках, куда даже Т-00 не суётся. Жрут крыс, друг друга, а если повезёт — нас. Для них мы не люди, мы — «лутбоксы» на ножках. За рюкзак, фильтр, ботинки горло перережут не думая.

— А как с ними бороться? — спросила Василиса.

— Шум привлечёт дронов, — покачал головой Шкипер. — С ними не воюют. Их обходят. Если не можешь — иди только днём, когда они спят.

Вдруг Старый Сом, сидевший неподвижно, как изваяние, поднял тяжёлую голову. Его глаза, мутные от катаракты, блеснули в свете костра.

— Главная ошибка «салаг» — ждать грома, — прохрипел он голосом, похожим на скрежет камней. — Самый страшный враг не шумит. Настоящая смерть приходит в тишине. Когда замолкают крысы, когда перестаёт капать вода с потолка, когда воздух замирает — значит, хищник уже здесь. Он смотрит тебе в спину.

В кругу повисла тишина, тяжелая и липкая. Василиса поёжилась.

Он снова замолчал, уставившись в огонь.

— А что насчёт Т-00? — спросила Василиса. — Она же контролирует всё.

— Не всё, — ответил Карась. — У Системы тоже есть слепые пятна, — усмехнулся Карась. — Старые советские коллекторы, экранированные свинцом бункеры, затопленные участки. Там нет камер, сигнал не проходит. Для неё этих мест просто не существует на карте.

— Как найти такие места? — спросила Василиса.

— Опыт, — ответил Шкипер, и в его голосе звучала гордость. — И карты. Карты, которые мы составляем сами, своим горьким опытом.

Он протянул тетрадь Василисе.

— Полистай. Запоминай ориентиры. Но помни: метро меняется. То, что было безопасно вчера, завтра может стать опасностью.

Василиса осторожно взяла тетрадь. На первой странице чьей-то дрожащей рукой было выведено: «Не верь свету в конце тоннеля. Это может быть глаз Наблюдателя».

Первое столкновение с проблемой

Утро для Василисы началось с вызова к Помору. Его «штаб» располагался в бывшем кабинете начальника станции — тесной комнате, где время остановилось где-то в середине XX века. Стены, выкрашенные в казённый зелёный цвет, шелушились, обнажая бетон, а на одной из них висела пожелтевшая, под стеклом, карта схемы путей 1953 года.

До того, как мир перевернулся, Помор был известен как Юрий Морозов, человек с солью в венах. На севере, где небо сливается с ледяной водой Баренцева моря, его звали «Помор». Это прозвище было не кличкой, а званием. Он умел читать горизонт по цвету облаков, слышал треск льда за километры и мог дышать штормом, не моргая. Когда жизнь забросила его в Москву, он сменил рыболовные траулеры на прогулочные катера Речного флота, но море из него не выветрилось. Диспетчеры шептались, что Помор даже на Москве-реке чувствует приливы и отливы, которых там никогда не было.

Он был невысоким, сбитым крепко, как чугунный причальный кнехт. Лицо его напоминало старую лоцию: глубокие борозды морщин пересекали лоб и щеки, рассказывая историю ветров, соли и жесткого смеха. Руки — широкие, с мозолями, похожими на наждак, и вечно вьёвшимся запахом машинного масла и табака.

Когда грянула Катастрофа и вода стала единственной дорогой, не перекрытой дронами, Помор не растерялся. Он собрал вокруг себя тех, кто не боялся сырости и темноты, и создал братство Лодочников.

— Под землёй тоже есть реки, — говорил он, щурясь на карту подземных коллекторов.

— И у них тоже есть характер.

Он научил своих людей читать течения в черной, маслянистой воде затопленных тоннелей. Показал, как по звуку капель определить глубину штрека, как по запаху отличить чистый дренаж от химического стока. Под его началом дюжина разномастных суденышек — от надувных лодок до самодельных плотов из бочек — превратилась в подземный флот.

Помор создал уникальные карты. На них синими чернилами были отмечены безопасные фарватеры по обмелевшей и отравленной Москве-реке, красными крестами — зоны обстрела дронов, а зелеными точками — тайные причалы, ведущие в метро. Его Лодочники стали сталкерами водного мира, единственными, кто мог достать с поверхности то, что нельзя найти под землёй: редкие лекарства, детали для генераторов, электронику.

Василиса постучала в дверь кабинета, услышав в ответ короткое «Входи». Она толкнула дверь, и перед ней открылась картина: коренастый мужчина с седой бородой, подстриженной «под скобку», сидел за массивным столом, на котором стоял сейф — старый, советский, с четырьмя навесными замками. Он отпирали их медленно, методично. Щёлк-щёлк-щёлк. Каждый звук в тишине казался выстрелом.

Наконец, дверца скрипнула. Помор достал небольшой сверток, плотно обмотанный промасленной ветошью и перетянутый бечевкой. Он не стал его разворачивать, лишь положил руку сверху, словно благословляя.

— Добыча моих Лодочников, — голос Помора был тихим, будто он боялся, что стены имеют уши. — Сняли с медицинского борта, что выбросило на мель у северного речного вокзала. Антибиотики последнего поколения, экспериментальная партия. Ампулы в защищенном контейнере. Ребята жизнью рисковали, чтобы их достать.

— Лекарства? — Василиса почувствовала, как пересохло в горле. — Они выходили на Поверхность? К воде?

— Да. Лезли под самым носом у дронов. Но оно того стоило. На «Соколе» вспышка неизвестной болезни. Без этого груза они не выживут.

Он достал карту — плотную, многослойную, в трёх цветах. Он провёл грубым пальцем линию:

Первая зона от «Речного Вокзала» до «Водного стадиона». — Здесь всё просто. Наши патрули. Но не расслабляйся. Даже здесь у стен есть уши. Никто не должен знать, что у тебя в кармане.

Вторая зона от «Водного стадиона» до «Войковской». — Нейтралка. Тоннели сужаются, тубинги текут. Света почти нет, только аварийки раз в сто метров. Здесь живут «ничейные» — бродяги, менялы, беглые с других станций. Здесь тебя не тронут, если будешь идти уверенно, но и помощи не жди.

Третья зона от «Войковской» до «Сокола». — А вот это... — палец Помора замер на участке, заштрихованном чёрным. — Опасная зона. Старые дренажи прогнили, на полу по колено маслянистой жижи. Воздух тяжёлый, пахнет гнилью. Курьеры говорят, Т-00 там что-то ищет. Дроны там не просто патрулируют, они охотятся. Там тихо, как в могиле.

Помор поднял взгляд на Василису. Его глаза были холодными и жёсткими.

— Никому. Даже Шкиперу. Есть слух, что про наш рейд пронюхали. Может, мародеры. Может, «Синтетики]» — люди, продавшиеся Системе за еду и батарейки. За такой груз глотку перегрызут.

— Если меня прижмут? — спросила Василиса, пряча сверток во внутренний карман куртки, ближе к сердцу.

— Уничтожить. Любой ценой. Разбить, сжечь, бросить в сток. Никому не отдавай и сама не открывай посылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.